

Н а днях увидел сообщение, как в Магадане полицейские изъяли смартфоны у двух местных жителей на том основании, что на мобильные номера этих магаданцев были зарегистрированы аккаунты в группе «За возврат прямых выборов мэра» мессенджера WhatsApp. В этой группе кто-то нецензурно выразился в адрес мэра Магадана, поэтому завели уголовное дело по ст. 319 УК (оскорбление представителя власти), а смартфоны изъяли как у свидетелей.

Региональная власть впечатлила меня вовсе не абсурдностью действий, а, напротив, находчивостью, поскольку интуитивно изыскала самый действенный способ борьбы с интернетом. Впредь всякий раз, как оператор связи станет вешать на уши государства лапшу об отсутствии возможности «поделиться ключами шифрования» на том-де основании, что обмен этими ключами происходит между пользователями напрямую, государству будет достаточно изъять смартфоны и получать любые «секретные ключи» на блюдечке с голубой каемочкой.

В контексте многолетней борьбы российской власти велик соблазн посчитать «магаданский конфискат» некой кульминационной точкой, после которой останется разве что дождаться указа о добровольной сдаче гражданами «коротковолновых радиоприемников». Рискну, однако, предположить, что «магаданская конфискация» (независимо от того, имела ли она место в реальности или нет) — явление совершенно иного порядка. Попробуем разобраться.

Раз уж заговорили о многолетней борьбе, то не помешает напомнить читателю об основных ее вехах. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что российская власть сегодня стремится «запрещать» два явления:

— крамольную информацию;
— сервисы, которые «отказываются сотрудничать».

С информацией все очевидно. Что же касается сервисов, то под «сотрудничеством» понимается хранение данных о российских гражданах на серверах, расположенных на территории РФ, и передача «ключей шифрования переписки».

Неугодная информация блокируется Роскомнадзором с помощью «черных списков», обязательных для провайдеров. Не желающие сотрудничать сервисы блокируются точно так же.

Мы не будем обсуждать обход блокировок Роскомнадзора, поскольку эта тема лишь отвлечет читателя от замысла статьи. Ограничусь одной фразой: все, кому нужно, продолжают пользоваться «запрещенными» сайтами, порталами и сервисами интернета с такой же легкостью и удобством, что и до государственной блокировки.

Скажем больше: государство о реальном положении дел прекрасно осведомлено и никак не тяготится технической легкостью преодоления его запретов. По той причине, что «запреты» государства преследуют совершенно иные цели. Если бы государство реально ставило задачу запретить гражданам вести тайную переписку и посещать крамольные сайты, оно бы действовало не через «черные списки» Роскомнадзора, а как магаданские следователи. Только в иных масштабах.

О том, что борьба российского государства с интернетом скрывает смыслы, по неведомой мне причине ускользающие от внимания общественности и СМИ, можно догадаться, сопоставив список разрешенных и запрещенных сервисов.

Кто-нибудь задумывался, почему профессиональная социальная сеть LinkedIn, принадлежащая, между прочим, Microsoft, в России «запрещена» аж с августа 2016 года? Формально — за нарушение все того же закона о «хранении персональных данных российских пользователей». Но,

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Отобрать и запретить

О конфискации смартфонов как единственном методе поддержания стабильности

простите, а почему тогда не «запрещен» Facebook? Или Twitter? И те и другие благополучно хранят данные там, где считают нужным, а не там, где хочется российской власти.

Почему в РФ «запрещены» мессенджеры BlackBerry, Line, IMO и Vchat, балаганный фарс вокруг «запрета» Телеграмма ни на день не ослабевает уже целый год, а мессенджер WhatsApp препсокойно функционирует без лишнего шума? (Министр связи Никифоров заявил на прошедшей неделе, что у его ведомства претензии к WhatsApp и Facebook даже больше, чем к Telegram, но за этим ничего не последовало. — Ред.)

Если мне не изменяет память, WhatsApp пару лет назад вроде «запрещали». Почему тогда сегодня это самый массовый и популярный мессенджер в Рунете?

Могу предложить только один ответ на поставленные вопросы: проблемы с интерпретацией демаршем российской власти в интернете возникают из-за непонимания языка, на котором она транслирует свои замыслы.

СМИ, в обязанность которых должно входить разъяснение обществу своеобразия политического дискурса, упорно узывают сигналы, посылаемые властью, с реальной жизнью, страшная «запретом» и «изоляцией» интернета в России.

Меж тем специфика политического дискурса такова, что он не умеет взаимодействовать напрямую с реальностью. Его связь с жизнью происходит лишь опосредованно — через язык метафор

(то есть перенесения одних смыслов на другие по аналогии). Ключевой политической метафорой западного общества, по версии отца когнитивной лингвистики Джорджа Лейкоффа, выступает модель Семьи (нация — это семья, власть — родители, граждане — дети).

Консервативная политическая риторика основана на семейной модели «Строгого отца» (жизнь — нескончаемая борьба, отец защищает семью и учит отличать добро от зла с помощью ремня и жесткой дисциплины, дети почитают отца и подчиняются его воле, а встав на ноги, отправляются в свободное плавание), либеральная — на модели «Заботливого родителя» (задача одного из родителей — научить детей заботиться о других и самим жить для получения удовольствия, мораль понимается не как защита традиционных ценностей, а как и справедливость, идеал — справедливое распределение и равные возможности, насилие недопустимо).

По трезвом размышлении ясно, что российская политическая метафора не совпадает ни с либеральной, ни с консервативной моделью. Почему? Потому что политические метафоры отражают уровень развития общества.

Отечественное сознание молодо, и в нем поныне актуальны мотивы выживания этноса перед лицом угрозы со стороны «татаро-монгольского завоевания». В условиях перманентного противостояния «внешним врагам»

обществу необходимо тесно сплотиться вокруг сильного «князя». Разумеется, речь здесь идет не о реальном положении дел в мировой политике, а о том, как эта реальность преломляется в отечественной политической метафоре.

Уникальный боевой дух русского общества исторически возник из жесткой вертикали власти и беспрекословной субординации, заимствованных у Золотой Орды. Ошибочно полагать, что российская власть стремится к драке. Ей нужно лишь добиться признания собственной доминанты. Когда российская власть «сражается с интернетом», ей дела нет до этого самого интернета. Она лишь стремится пометить свою территорию, обозначить в сознании служилого люда и холопов, кто здесь главный, кто распорядитель, кто хозяин.

В западной цивилизации (к коей Россия, при всей двойственности своей евразийской природы, несомненно принадлежит) российская политическая метафора — самая оторванная от реальной жизни и самая метафоричная. Для нее важно не изменение реальности, а обозначение приоритетов. Важен сам ритуал подчинения и внешние атрибуты выражения покорности. От поданных требуется лишь прогнуться, сделать «Ку», продемонстрировать лояльность, а потом можно идти на все четыре стороны, заниматься своими делами. Тех, кто умеет читать эту метафору, власть не трогает. Тех, кто не понимает ментальной конструкции и пытается экстраполировать ритуальный жест (например, «запрет» мессенджеров или социальных сетей) на саму реальность, власть демонстративно наказывает за нарушение субординации в стае.

Подводя итоги, можно сказать, что модель русской политической метафоры — это «Ритуальное Ку». Через эту призму запрет LinkedIn и сохранение Facebook, запрет Telegram и сохранение WhatsApp перестают казаться абсурдными.

В метафоре «Ритуального Ку» ключевое слово — «ритуал». Почти в зоологическом смысле: подошел к тебе альфа-вожак, показал клыки; ты в ответ уши прижал, глаза опустил, шею подставил. Все! Ритуал исполнен. Удовлетворенный вожак двинулся дальше метить территорию, а рядовой волчара пошкандыбал своей дорогой, заниматься личными делами: качать, там, торренты, украшать профиль в LinkedIn, обмениваться с коллегами-приколистами стикерами Ложкина в Телеграмме. Ритуал соблюден — и главное! — все довольны.

Под занавес — ложка дегтя, связанная как раз с «магаданской конфискацией». В контексте сказанного данный прецедент — нарушение жанра, известное как буквализация метафоры. Рядовой волчара хоть и волен (пока) шкандыбать своей дорогой после правильно исполненного «Ку», однако обязан держать ушки на макушке, памятую, что на родных просторах буквализация политической метафоры в историческом контексте — не отклонение от нормы, а сама норма и есть.

Ибо у каждого губернатора — собственное понимание «Ку». Семену Константиновичу Двоекурову, может, и достаточно будет ввести медоварение и пивоварение с обязательным употреблением горчицы и лаврового листа, но уже Василиск Семеныч Бородавкин ради взыскания недоимок в размере двух рублей с полтиною спалил тридцать три деревни. Об Архистратиге Перехвате-Залихватском, который скончался в гимназию и упразднил науки, лучше вообще не вспоминать.

Сергей
ГОЛУБИЦКИЙ,
специально для
«Новой»

